

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПАТРИОТИЗМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.И. Пороховская

Кафедра этики
Философский факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
*Ломоносовский просп., 27, корп. Шуваловский,
Москва, Россия, 119991*

Предметом исследования статьи является патриотизм как ценность и норма гражданской этики, его содержание, основания и функции, а также те трансформации патриотизма, которые произошли в последние два-три десятилетия. Предпринимается попытка объяснить, почему в советском обществе патриотизм являлся одной из фундаментальных ценностей государственной идеологии и общественного сознания, в то время как сейчас национальная лояльность и патриотизм нередко объявляются либо устаревшими, либо иррациональными, либо же неприемлемыми с моральной точки зрения позициями. Опираясь на работы З. Баумана, Й. Изензее, Г. Крингса, А. Лейста, А.С. Парина, Ю. Хабермаса и др., автор показывает, что современное демократическое общество невозможно как вне конкретного правового государства, так и без лояльности к нему и социальной ответственности его граждан. Рассматриваются два подхода к обоснованию патриотизма: культурно-онтологический и индивидуально-онтологический, а также три способа обоснования патриотизма, которые А. Лейст различает в рамках индивидуалистической альтернативы: либеральный патриотизм, ценностный патриотизм и партикулярный патриотизм.

Ключевые слова: патриотизм, глобализация, гедонизм, свобода, ответственность, гражданская этика.

Патриотизм — это нравственно-политический принцип, который возникает на основе естественной привязанности человека к месту, где он родился и вырос, любви к своему народу и родной стране, ее истории, культуре и языку. Согласно Википедии, содержанием патриотизма является «любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы... гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности... стремление защищать интересы Родины и своего народа» [См. также: 2; 3. С. 454].

В советском обществе патриотизм являлся одной из фундаментальных ценностей общественной идеологии. Опасаясь реванша коммунистической идеологии, российское политическое руководство наложило запрет на любую государственную идеологию [6]. Под флагом деидеологизации в 90-е гг. прежние культурные

ценности и идеологические ориентации, уже сильно подорванные позднесоветским разочарованием, с помощью СМИ заменялись зеркально противоположными. Идея социализма вытеснялась идеями „рынка“ и свободы. Вместо коммунистической идеологии — антикоммунизм, тотальное очернение советского прошлого. Вместо атеизма — замена советских духовно-нравственных ценностей религиозно-церковными. Вместо советского патриотизма — культ Запада и его материального благополучия, отрицание национальных интересов. Вместо ответственности, общественного долга и служения — демонстративный гедонизм и эгоизм, материальное благополучие, телесные удовольствия, комфорт, — раскованная чувственность становится чуть ли не символом тотальной эмансипации. «Бери от жизни все», призывают реклама и СМИ. И если логически продолжать этот тезис, то и родину следует выбирать себе ту, которая сулит больше возможностей, наслаждений. И выбирают. Так, когда известного режиссера Ю. Любимова, имевшего несколько гражданств, спросили, где же его Родина, он ответил: «Где хорошо, там и Родина» (лат. *«ubi bene, ibi patria»*).

В среде прежде всего экономической, политической и интеллектуальной элиты становится модным бравировать своим антипатриотизмом и космополитизмом. Так же рассуждают и многие молодые люди в нашей стране, для которых жизненной целью стал не труд на благо собственной страны, а обустройство, будь в каком качестве, но на Западе. Развитый Запад с его передовыми достижениями и высокими стандартами жизни в эпоху глобализации становится эталоном, референтной группой для населения менее развитых стран. Жители отставших стран приобщаются к культуре Запада, осваивают стандарты жизни высокоразвитых стран, происходит, как пишет А.С. Панарин, «выравнивание социокультурного поля мира», и эта «просвещенческо-модернизаторская миссия» развитых стран в отношении отсталых и неразвитых может быть оценена только положительно [См: 9. С. 196]. «Но с точки зрения социокультурного реализма, — отмечает А.С. Панарин далее, — здесь можно увидеть источник ползучей катастрофы. В самом деле, от того, что поле притязаний выравнивается по стандартам высокоразвитых стран, еще не следует, что выравниваются и соответствующие возможности... Возникает феномен массового социокультурного отчуждения от своей профессии, от своей группы, принадлежность к которым начинает восприниматься как неудача или даже как знак отверженности... Покинутая земля, покинутые профессии, покинутая отчизна — вот результаты этого разрыва между фактической и референтной принадлежностью. Когда еще сохранялись иллюзии о быстром приобщении социальной периферии к достижениям социального авангарда, можно было считать, что, насаждая свои стандарты, авангард приобщает и возвышает. Именно так строилась „американская мечта“, „советская мечта“, а затем и третьемировская мечта о будущих равных возможностях и беспрепятственной достижительности. Но когда соответствующие иллюзии развеялись, то впору подумать, что „авангард“ не столько приобщает, сколько соблазняет и развращает, насаждая у своих адептов иллюзорное, утопическое сознание, основанное на нереалистических ожиданиях» [9. С. 196—197].

Вместе со сменой общественного порядка, таким образом, в новой идеологии проводников капитализма произошла смена парадигм, моделей морального сознания: деонтическая, ориентирующаяся на долг, модель морального сознания, которая формировалась государственной идеологией и всей системой воспитания в СССР, сменилась утилитаристско-гедонистической моделью. Контроль над собственной природой, отказ от немедленного удовлетворения удовольствий сформировали предельно мобилизованного человека модерна. «Глобальный мир в его „подлинной“, постмодернистской перспективе, — пишет А.С. Панарин, — означает расставание с любой принудительной, то есть не представленной индивиду в форме его добровольного и временного контракта, нормативностью как таковой... Наиболее свободными оказываются не те, кто в самом деле находятся на вершине культуры или несут в себе программу саморазвития человечества, аккумулируя высшие достижения цивилизации, а всего лишь наиболее мобильные — которым дано право и возможности беспрепятственно кочевать по миру, показывая кукиш вынужденно привязанным к месту и, следовательно, вынужденно лояльным... Постмодернистская эпоха — это реванш мобильных над укорененными, релятивистов — над фундаменталистами... Ускользание от контроля, от „деспотизма нормы“ — вот наиболее точное и, кстати, наиболее соответствующее постмодернистским презумпциям определение глобализации» [9. С. 194].

«Наибольшее счастье для наибольшего числа людей» — так сформулировал И. Бентам кредо утилитаризма. Наш же нынешний утилитарно-гедонистический этос напоминает тот вариант утилитаристской морали, которую В. Зомбарт называл «торгашеской». «С точки зрения утилитарно-эвдемонистической этики, — пишет В. Зомбарт, — это отдельное существо, этот человечиска заключает... с жизнью своего рода пакт, по которому он обязуется совершать определенные действия, но только ввиду получения прибыльной оплаты (на этом свете или на том — все равно)» [4. С. 19]. Торгаш бдительно следит, чтобы не проиграть в сделке, только и знает, что говорит о своих правах: если я имею такое же право на счастье, как и другие, то почему именно я должен идти на жертвы, рассуждает он. Нужно очень сильно заинтересовать такого «торгаша», чтобы он принял участие в делах государства. Описанная В. Зомбартом логика утилитарного рассуждения очень характерна для тех наших граждан, которые тщательно взвешивают с точки зрения пользы для себя каждое свое решение и не замечают ту границу, за пределами которой рыночные критерии уже неуместны.

«Торгашеской» морали противостоит мораль долга, — героический дух, по выражению В. Зомбарта. Человек долга, по В. Зомбарту, вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он растрачивает себя, не требуя ответного дара. Тогда как «торгаш» стремится взять от жизни побольше («жизнь, что ты можешь мне дать»), и отдать ей поменьше, — такую сделку «торгаш» считает выгодной. И отношения с другими людьми, и отношения «торгаша» с государством, которые понимаются как взаимовыгодный договор, очень напоминают «подведение баланса ежедневных торговых сделок» [4. С. 21]. Теоретическое обоснование мораль долга нашла, прежде всего, у И. Канта, в его учении

о категорическом императиве. Человек, пока жив, должен делать свое дело, наставляет протестантская этика. Из морали долга идея патриотизма вытекает с необходимостью, на базе же утилитаристских установок, да еще в такой вульгарной форме, в какой их формируют СМИ и реклама, патриотические настроения произрастают с большим трудом, если вообще произрастают.

Вульгарный либерализм, который насаждался на нашей культурной почве с 80—90-х гг. прошлого века, освобождает человека от бремени долга и связанной с ним жертвенности. Внешний мир объявляется слишком сложным, чтобы можно было составить о нем адекватное представление, а то и абсурдным. В таком мире ценностно-рациональное отношение к себе излишне, человек не должен обременять себя великими целями и вечными ценностями. Человек свободен в выборе своего образа жизни, и никто не вправе вмешиваться в этот выбор. Каждый может делать то, что захочет, до тех пор, пока он не наносит этим ущерба такой же свободе всякого другого. Гражданину предоставлено право самому решать, как он воспользуется гарантированной конституцией свободой, и воспользуется ли вообще.

Однако свобода, закрепленная в правах либеральной конституции, — это не созидательная свобода («свобода для...»), а формальная «свобода от...», прежде всего от произвола государства. Такая свобода может быть использована как во благо, так и во зло. «Свобода, — уточняет Г. Крингс, — не политическая программа. Политическая программа должна иметь содержание; свобода не имеет его. Однако она имеет имя, то имя, с которым человек утверждает свое собственное достоинство... Идея свободы стоит перед программой, а не в программе» [7. С. 40]. И то, как пользуются граждане своей свободой, не является только их частным делом. «Напротив, — пишет Й. Изензее, — суть общественной жизни заключается в том, что предоставленные законом права и свободы граждане в целом используют для блага общества... Не права и свободы обеспечивают общественное благо, а граждане, которые эти права разумно реализуют. Таким образом, в рамках предоставленных законом прав общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжениям государства, а по собственной инициативе и по собственному плану. Государственная власть не может вынудить граждан к общественно полезной деятельности и не может ее заменить. Свободное государство живет, таким образом, действиями, которые не входят в систему его регламентов. Оно не властвует над основами, которые составляют его фундамент» [5. С. 45].

Современное демократическое общество существует не в виде какого-то виртуального сообщества, основанного на космополитическом гражданстве, а в рамках конкретного правового государства. Это государство создает и обеспечивает (или, наоборот, не создает и не обеспечивает) реальные условия для самореализации личности. На конституционном уровне государством обеспечиваются личные и общественные свободы, социальная безопасность граждан, защищается достоинство человеческой личности — не только от произвола со стороны государства, но и от тех опасностей, которыми чревато свободное рыночное хозяйство. Одна

из основных задач государства — обеспечивать социальный мир в обществе — только в условиях социального мира могут быть реализованы свободы граждан. Однако для обеспечения гражданского мира и создания справедливого, процветающего общества и от граждан требуется самоограничение свободы, демократическое государство невозможно без лояльности и ответственности своих граждан.

Философское исследование патриотизма как нормативной установки связано с вопросом, что такое патриотизм, каковы его основания и функции, как он соотносится с моралью и может ли патриотизм быть обоснован с моральной точки зрения.

Антон Лейст в статье, посвященной современным исследованиям патриотизма, выделяет два основных подхода: а) когда основа патриотизма усматривается в общей культуре или этнии (*культурно-онтологические*, или *культуралистические* обоснования (И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, Р. Бубнер и М. Риедель)) и б) *индивидуально-онтологические*, или *индивидуалистические*, когда в обосновании исходят из интересов реальных индивидов. В рамках индивидуалистической альтернативы А. Лейст выделяет три различных способа обоснования патриотизма: 1) *либеральный* патриотизм (У. Кимлика); 2) *ценностный* патриотизм (Ю. Хабермас) и 3) *партикулярный* патриотизм (Д. Миллер, А. Макинтайр) [8. С. 320].

Культурно-онтологическая позиция исторически предшествует индивидуалистической. В рамках культурно-онтологического подхода предпринимаются попытки объяснить возможность и необходимость существования наций и национального сознания, а также то, каким образом возникает нормативная регламентация этого сознания и какое практическое значение она имеет. Так, Р. Бубнер [См.: 8. С. 323—324] нации понимает политически: сообщество становится нацией лишь с образованием государства, а Э. Геллнер объясняет возникновение национального самосознания тем, что повышенная потребность в коммуникации, которая существует внутри гомогенных культурных пространств, может быть реализована только в том случае, если члены этого сообщества осознают свое единство [См.: 8. С. 321].

К недостаткам этого подхода относят то, что с точки зрения культурно-онтологической позиции нельзя объяснить, почему не все гомогенные культуры перерастают в нации и, кроме того, существуют многокультурные нации. А опыт многокультурных стран как раз свидетельствует о том, что «самоопределение коллективом своей национальной принадлежности значительно важнее, чем просто существование гомогенной культуры» [8. С. 326]. Однако если даже согласиться, что гомогенная культура формирует национальное сознание, остается неясным происхождение *нормативных установок* этого сознания.

В либеральной политической традиции связь личности со своей культурой, нацией описывается с помощью концепции идентичности, а нормативные следствия национальной идентичности выводятся из неразрывной психической связи между обществом, культурой и собственной личностью — либо на основе эмоциональной общности, либо на основе общих ценностей.

«Конституционный патриотизм» выражается в гордости за конституцию, поднимающую на пьедестал универсальные права человека, и самоидентификации себя с нею. Идея конституционного (ценностного) патриотизма была разработана Ю. Хабермасом и предложена им для объединяющейся Европы в качестве новой формы общеевропейской идентичности. «Лишь национальное самосознание, — пишет Ю. Хабермас, — образующееся на основе общности происхождения, языка и истории, лишь сознание принадлежности к „одному и тому же“ народу превращает подданных в граждан политической общности, то есть в тех, кто чувствует ответственность *друг за друга*» [8. С. 327—328].

Однако этническое, национальное сознание — это сознание дополитическое, его задача — обеспечить оптимальные шансы для жизни и развития нации, и оно создает лишь предпосылки для государственности, но не является ее основой, ибо ценностно-нормативное содержание национального и республиканского мышления различно и не может быть выведено одно из другого. Более того, национальный корпоративизм, национализм может представлять опасность как для демократии, так и для республиканской идеи, в то время как универсалистское ядро современной конституции, по мнению Хабермаса, способно нейтрализовать агрессивный потенциал национализма. Модель Хабермаса А. Лейст называет *процессуальной*, поскольку «результаты обеспечиваются совокупностью общественных процедур». Однако, возражает он, «демократическим процессам нужна некая *основа*, на которой бы базировалось доверие людей и их готовность к кооперации», и эта основа «вряд ли ...может быть выведена из логики демократических процедур» [8. С. 329]. Гарантом стабильности этих процедур, считает Лейст, способен выступить только «этнокультурный фактор, который, словно сеть, удерживает эти процедуры воедино, и сеть эта будет тем более необходима, чем более абстрактными и требовательными они станут» [8. С. 329]. Идею конституционного патриотизма Лейст считает малоубедительной еще и потому, что в его основе лежит прежде всего привязанность к определенным ценностям, и лишь затем, опосредованно, — к своей нации.

В отличие от ценностного патриотизма *патрикулярный* патриотизм, предложенный А. Макинтайром, направлен именно на нацию. Либеральная мораль, по мнению Макинтайра, вообще лишена каких бы то ни было основ, истинная мораль может существовать только в рамках локальных сообществ. Патриотизм Макинтайр считает самой важной добродетелью: его целью является обеспечение безопасности и дальнейшего существования сообщества, даже ценой собственной жизни, а от существования сообщества зависят и все остальные добродетели. Патриотическую лояльность он определяет как партикулярное, особое, до конца не рационализируемое нравственное отношение к нации. Это отношение не зависит от исторически меняющихся политических форм ее организации и конкретных политических элит. В частности, Макинтайр отмечает, что патриотизм «включает в себя „особый вид благодарности“, которая не является благодарностью за полученные блага и поэтому не является отношением, основанным на взаимной

пользе» [11. С. 86]. отождествление себя с нацией основывается, по Макинтайру, на эмоциональных факторах и закрепляется соответствующей социализацией, а патриотизм формирует внутренние оценочные критерии.

Как и Л.Н. Толстой, А. Макинтайр считает, что моральная точка зрения и патриотическая не всегда совместимы, поскольку мораль апеллирует к универсальным, общечеловеческим ценностям, а патриотизм — к ценностям определенной этнически и политически ограниченной группы. Однако, в отличие от Толстого, который считал патриотизм чувством вредным, неразумным, разъединяющим человечество, или от В.С. Соловьева, который полагал высшим мериллом для оценки любого частного интереса благо целого человечества, Макинтайр восхваляет и обосновывает добродетель патриотизма за счет обесценения морали [11. С. 93].

Обозначенные здесь подходы к рассмотрению оснований и нормативного содержания патриотизма, несомненно, требуют более глубокого, тщательного изучения и критического осмысления, чтобы на новой основе пересмотреть опыт интерпретации феномена патриотизма в отечественной философии (Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др.) и предложить позитивное решение. Так, заслуживает внимания мнение Ю. Хабермаса, считающего, что в многокультурной стране (у него речь идет о многокультурном регионе, Европе) следует акцентировать внимание на ценностном содержании патриотизма. Требуется дальнейшего и всестороннего обоснования и связь между патриотизмом и универсальными моральными ценностями. От того, как мы представляем нормативное содержание патриотизма и те объективные и субъективные условия, которые способствуют его формированию, зависит выбор путей и методов патриотического воспитания: чем адекватнее это понимание, тем эффективнее предпринимаемые нами усилия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- [2] Добрынина В.И. Патриотизм // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2004.
- [3] Золотухина-Аболина Е.В. Этика. Ростов н/Д: Феникс, 2013.
- [4] Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч. в 3 т. Т. II. СПб.: Владимир Даль, 2005.
- [5] Изензее Й. Гражданская свобода и гражданская добродетель — важнейшие условия функционирования демократической общности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. М.: Современные тетради, 2005.
- [6] Конституция Российской Федерации. Ст. 13: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».
- [7] Крингс Г. Свобода в XX веке: соотношение идеи и реальности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. М.: Современные тетради, 2005.
- [8] Лейст А. Нация и патриотизм во времена глобализации // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. М.: Современные тетради, 2005.
- [9] Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- [10] Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.
- [11] MacIntyre A. Ist Patriotismus eine Tugend? // Honneth, A. (Hg.). *Kommunitarismus*, Frankfurt 1993.

PATRIOTISM IN THE GLOBALIZATION EPOCH

T.I. Porokhovskaya

Department of Ethics
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
*Lomonosov Prospect, 27—4, Shuvalov Building,
Moscow, Russia, 119991*

The article deals with patriotism as value and norm of the civil ethics, its substance, basics and functions as well and the transformation of patriotism that have happened through last twenty-thirty years. Patriotism in the soviet society was one of fundamental values of state ideology and social consciousness. Though nowadays national loyalty and patriotism are frequently declared as archaic, irrational or morally inappropriate positions. The author analyses the cause of these changes in the system of values of social consciousness. Relying on works by Z. Bauman, J. Izensee, H. Krings, A. Leist, A.S. Panarin, J. Habermas etc. the author demonstrates that modern democratic society is impossible beyond particular constitutional state as well as without loyalty and social responsibility of its citizens. It is shown two approaches to the basing of patriotism: culture-ontological and individual-ontological. A. Leist describes three methods of the basing of patriotism in the of individualistic alternative: liberal patriotism, value patriotism and particular patriotism.

Key words: patriotism, globalization, hedonism, freedom, responsibility, civil ethics.

REFERENCE

- [1] Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2002.
- [2] Dobrynina V.I. Patriotizm // Slovar' filosofskih terminov. M.: INFRA-M, 2004.
- [3] Zolotuhina-Abolina E.V. Jetika. Rostov n/D: Feniks, 2013.
- [4] Zombart V. Torgashi i geroi: razdum'ja patriota // Zombart V. Sobr. soch. v 3 t. T. II. SPb.: Vladimir Dal', 2005.
- [5] Izensee J. Grazhdanskaja svoboda i grazhdanskaja dobrodetel' — vazhnejshie uslovija funkcionirovanija demokraticeskoy obshhnosti // Politicheskaja filosofija v Germanii. Sb. st. Izensee J. i dr. M.: Sovremennye tetradi, 2005.
- [6] Konstitucija Rossijskoj Federacii. St. 13: «1. V Rossijskoj Federacii priznaetsja ideologicheskoe mnogoobrazie. 2. Nikakaja ideologija ne mozhet ustanavlivat'sja v kachestve gosudarstvennoj ili objazatel'noj».
- [7] Krings G. Svoboda v HH veke: sootnoshenie idei i real'nosti // Politicheskaja filosofija v Germanii. Sb. st. Izensee J. i dr. M.: Sovremennye tetradi, 2005.
- [8] Lejst A. Nacija i patriotizm vo vremena globalizacii // Politicheskaja filosofija v Germanii. Sb. st. Izensee J. i dr. M.: Sovremennye tetradi, 2005.
- [9] Panarin A.S. Iskushenie globalizmom. M.: JeKSMO-Press, 2002.
- [10] Habermas Ju. Raskolotyj Zapad. M.: Ves' mir, 2008.
- [11] MacIntyre A. Ist Patriotismus eine Tugend? // Honneth, A. (Hg.). Kommunitarismus, Frankfurt, 1993.